

Алла Гудзенко

Одесский маркетинг

Выходи гулять, Серожа

Одесский двор. Окна распахнуты в тихое утро.

В солнечных пятнах греется кошачья мишпуха.

– Эинн, эээ-инн, – надсадно скрежещет бельевой блок.

Через него хозяйка из флигеля наполняет двор цветением фиолетовых и розовых маек.

Майки, покачнувшись, висают над клумбой. Джинсы растопыриваются прямо в развилке молодой вишни. Вишня фыркает упругими ветками.

Колокол на башне Соборки отсчитал четверть девятого утреннего часа.

– Сереоожа! Се-ре-оожааа! – орет, прислонившись полосатой спиной к клумбе, мелкий местный пацан. – Сереоожа!

Из окна второго этажа сонный женский голос справедливо интересуется:

– Ты обалдел?

– *(Пауза. На полтона ниже)* Сережааа...

– Аа?? – откуда-то из кроватных недр квартиры левого флигеля.

– Сереежа! – тихо радуется мелкий пацан. – Сереожа, я хотел тебе «привет!» написать. А у меня интернет не работает. Выходи гулять, Сережа.

Собачники

Собачники – отдельные люди.

Все у них... нет, не по-другому.

По-правильному.
Смотришь в глаза.
И понимаешь: вот человек не падлюка.
Или наоборот.
Развернись в профиль – тяпнет за щиколотку.
Потому шо в глазах плещется такое. Невыразимое.
Это ни плохо, ни хорошо.
Просто знаешь, к кому можно в профиль.
Или даже спиной.
А к кому только с улыбкой на пятьдесят четыре зуба.

Давай сам!

– Давай сам!
Заставляя трехлетнего ребенка самого надевать ботинки,
помни:
через десять лет тебе понадобится его помощь.
Разобраться в новых гаджетах и технологиях.

Одесский маркетинг

Книжная раскладка у вокзала. Книги с прожитой судьбой, второе пришествие.
Словари, покетбуки, классика, кулинария и макраме.
– Девушка! стойте! сколько вы даете за Монтеня?
– О! Вот это разговор...
– Так а шо вы так резко развернулись и ушли?
– Так а шо вы такую цену резкую сказали? 40 гривен??
– Ну я же вижу – вы можете! А сколько вы даете?
– Что ж мне, в лохмотьях сюда ходить? Двадцать.
– Берите! За двадцать. А чего ж не сказать, если я вижу, шо вы можете.